HX273
.E56
B97
1920

Кав-и

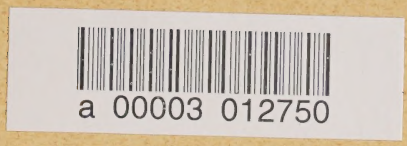
В. Быстрянский

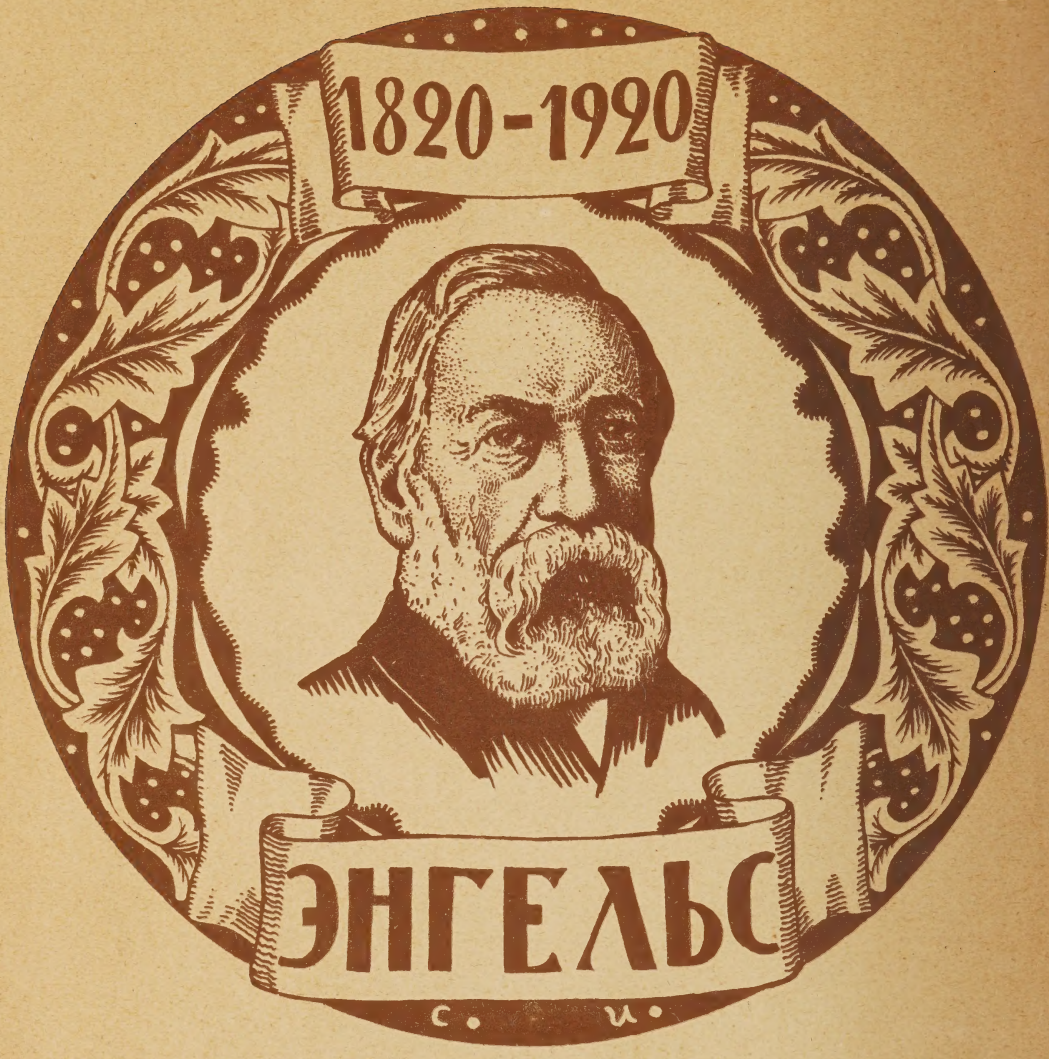
Фридрих Энгельс

(1820—1920 г.г.)

К его характеристике

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ⊖ 1920


a 00003 012750


1820-1920
ЭНГЕЛЬС
С. И.

В. Быстрянский

678н/82

HX273
.E56
B97
1920

Фридрих Энгельс

(1820—1920 г.г.)

К ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКЕ

FRIDRIKH
ENGEL'S:
K EGO
KHARAKTERISTI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Петербург * 1920

Четвертая государственная типография.

Р. В. Ц. Напечатано 20.000 экз.

I.

Известный буржуазный немецкий экономист Вернер Зомбарт писал вскоре после смерти Фридриха Энгельса:

„В Лондоне умер недавно человек, который для многих миллионов был любимым, боготворимым вождем и отцом, был героем.

„Это был человек, популярность которого в широких массах низших слоев народа не знала себе равной, человек, праздновавший победы, которые достаются в удел весьма немногим, человек, который в начале своего жизненного пути имел не более одного товарища по убеждениям, а в зрелом возрасте был признанным вождем миллионов людей, прислушивавшихся к его голосу, как верующие прислушивались к голосу пророка".

Популярность великого борца не переставала расти и после его смерти,—ибо все новые миллионы борцов стекались под развернутое им знамя,—все новые завоевания делали возвещенные им идеи коммунизма.

А мировая социалистическая революция, начало которой положил своим победоносным восстанием российский пролетариат, сделает Фр. Энгельса наряду с Марксом—подлинным властителем дум освобожденного мира.

По иронии судьбы, злейший враг капитала был обречен провести долгие годы за конторкой дельца,—человек, идеи которого подняли миллионы угнетенных на борьбу против господства буржуазии, лучшие силы отдавал иссушающей коммерческой работе.

По иронии истории, Энгельс, основоположник научного коммунизма, вместе с Марксом указавший рабочим всех стран их путь к освобождению, сам вышел из рядов буржуазии, и притом крупной буржуазии, что затем не помешало ему с ранних лет бороться в рядах международного пролетариата против того класса, из которого он вышел. Но с буржуазным классом Энгельс был связан не только

происхождением. Значительную часть жизни ему пришлось, для того, чтобы материально обеспечить себя и Маркса, работать—сначала в предприятии его отца, а после его смерти как участник фирмы Эрмен-Энгельс [1]). И эта работа отнимала лучшие силы Энгельса. 20-го января 1845 года Энгельс писал Марксу из Бармена: „печальные лица моих стариков побудили меня еще раз сделать опыт с наживой, и в течение 14 дней я немного работал в конторе. Но я раскаялся в этом еще до того, как я начал работать. Нажива слишком отвратительна, Бармен крайне отвратителен, потеря времени также противна, а в особенности противно быть не только буржуа, но даже фабрикантом, оставаться активно действующим против пролетариата буржуа. Несколько дней, проведенных на фабрике моего отца, вновь вывели перед моими глазами тот ужас, на который я раньше не обращал внимания. Если бы мне не приходилось ежедневно заносить в свою книгу (Энгельс работал тогда над книгой о положении рабочего класса в Англии, *В. Б.*) самые страшные страницы из английской истории, я думаю, я немножко огрубел бы, но именно эта работа давала новую пищу моему бешенству. Коммунист, правда, может быть по внешнему положению буржуа и скотиной для наживы, если он *не пишет*, но не легко вести коммунистическую пропаганду в большом масштабе и одновременно с этим работать для барыша и промышленности. Довольно, на Пасхе отсюда уеду“ [2]).

В письме к Марксу из Бармена от 17 марта 1845 года Энгельс дает понять, как трудно было ему уживаться в семье своих буржуазных родителей.

„Я веду тут поистине собачью жизнь. Истории с собраниями и „легкомыслие“ некоторых здешних коммунистов, с которыми я встречаюсь, опять разбудили весь религиозный фанатизм моего старика. Мое заявление, что я окончательно отказываюсь от гешефтмахерства, его еще более рассердило, а мое открытое выступление в качестве коммуниста развило в нем к тому же и настоящий буржуазный фанатизм. Ты можешь себе представить теперь мое положение. Так как недели чрез две я уезжаю, то не хочу начинать скандала и все покорно сношу. Они к этому не привыкли, и потому ста-

---

[1]) По тем выгодным условиям, которые вынужден был предоставить Энгельсу его компаньон, весьма деловитый Готтфрид Эрмен, редактор переписки Маркса и Энгельса, А. Бебель и Эд. Бернштейн заключают о больших деловых способностях Энгельса: Briefwechsel, III, Vorbemerkung.

[2]) Briefwechsel, I, 14.

новятся храбрее. Когда я получаю письмо, то его обнюхивают со всех сторон прежде, чем передают мне. А так как они знают, что все это письма от коммунистов, то они при этом строят такие печальные физиономии, что хоть с ума сходи. Выхожу я, все та же физиономия. Сижу я у себя в комнате и работаю,—конечно, над коммунизмом, это прекрасно знают—все та же физиономия. Я не могу ни есть, ни пить, ни спать без того, чтобы предо мною не стояла все та же плачевно-жалобная физиономия. Остаюсь ли я дома, ухожу ли, молчу ли я или говорю, читаю я или пишу, смеюсь или нет,—отец мой строит все то же уныло-скорбное лицо".

В довершение всего в доме энгельсовских стариков „царила пора благочестия", так что молодой Фридрих боялся, что „отец.... выбросит его из дому" [1]).

Торговому делу, к которому Энгельс питал такое отвращение, он вынужден был отдать несколько десятилетий своей жизни. 50-е и 60-е годы он провел в Манчестере в конторе своего отца. Еще 27 апреля 1867 года он писал Марксу: „я ни к чему так сильно не стремлюсь, как к избавлению от этой собачьей коммерции, которая меня совершенно деморализует своей тратой времени. *Пока я ею занят, я ни к чему не способен.* Особенно же с тех пор, как (после смерти отца) я сам стал принципалом, я очутился еще во много худшем положении, вследствие большей ответственности. Если бы дело было не в увеличенных доходах, то, правда, я предпочел бы стать вновь приказчиком. Но во всяком случае через несколько лет моя жизнь торговца придет к концу. Правда, тогда и доходы станут много, много меньше. Я всегда был озабочен тем, как мы с тобой тогда устроимся" [2]).

Но этой жертвой Энгельс только и дал Марксу возможность посвятить себя всецело его великому труду.

Только 1 июля 1869 г., как говорит Энгельс в помеченном этим числом письме, „покончил он со сладкой торговой деятельностью"; следующие за этим письма показывают, как счастлив он, что может посвятить себя всецело политике и наукам.

Обостряется ирландский вопрос—и Энгельс набрасывается на изучение истории Ирландии, причем естественно в первую голову он интересуется развитием хозяйства и

---

[1]) Briefwechsel, I, 21. В русском переводе „переписки", публикование которого было начато Н. Рязановым в „Современном Мире" за 1914 г., это письмо приведено полностью,—поэтому настоящая цитата и взята нами оттуда. („Совр. Мир", 1914, № 10, приложение, стр. 45).

[2]) Briefwechsel, III, 373.

собственности и стремится дойти до ранних первоисточников. „Впрочем, эта погоня за источниками,—пишет он 16 декабря 1869 г.,—совсем другое удовольствие, чем то была погоня за клиентами на проклятой бирже".

В продолжение долгих лет, проведенных Энгельсом в Манчестере, его подругой была Мэри Бернс, простая ирландская девушка, с которой он жил в свободном союзе. Энгельс питал к ней глубокую привязанность, и ее внезапная смерть в январе 1863 года омрачила, чуть было не послужила поводом к разрыву дружбы Энгельса с Марксом.

Вообще говоря, Энгельс был крайне снисходителен к своему другу,—но ему было трудно перенести, что в своем письме к Энгельсу по поводу смерти его подруги Маркс ограничился только общими, ничего не говорящими фразами и не обнаружил понимания, что значила для Энгельса утрата Мэри:

„Бедная девушка любила меня от всего сердца", писал Энгельс Марксу 7 января 1863 г. [1]).

„Нельзя было прожить столько лет вместе с женщиной, чтобы ее смерть не явилась для меня страшным несчастьем. Я чувствовал, что с ней я хоронил последнюю долю моей юности" [2]), писал Энгельс Марксу 26 января 1863 г., объясняя ему, почему он принял так близко к сердцу его предпоследнее холодное письмо.

Но достаточно было Марксу извиниться,—и Энгельс выражал свою радость, что вместе с Мэри он не потерял своего старейшего и лучшего друга" [3]).

После смерти Мэри ее место в сердце Энгельса заняла сестра Мэри, Лицци Бернс [4]).

Друг Энгельса, Август Бебель, дает характеристику Энгельса в частной жизни.

„Лично Энгельс был очаровательным, любезным человеком, который держался девиза Мартина Лютера, что вино, женщины и пение составляют усладу жизни, причем, однако, не забывал и серьезную работу. До конца своих дней он был чрезвычайно прилежным человеком и еще 70 лет взялся за изучение румынского языка и с живым интересом следил за всеми событиями. Всегда веселый и хорошо настроенный, он обладал изумительной памятью на

[1]) Briefwechsel, III, 106.
Ср. Ф р. М е р и н г. Карл Маркс. ПБ., 1920, 186.
[2]) Op. c., III, 110.
[3]) Ibid.
[4]) Меринг (Op. c., 315) приводит в связь глубокий интерес, который Энгельс питал к ирландскому вопросу, с тем обстоятельством, что „Лиза Бернс... была горячей ирландской патриоткой".

всякие мелкие эпизоды и комические ситуации своей бурной жизни. В веселом обществе он занимал этим публику и оживлял этим беседу. Вечер, проведенный с ним, оставлял самое приятное воспоминание среди друзей и товарищей. Беседа была всегда живая, безразлично, говорили ли на серьезные темы или находились в веселом настроении. Энгельс умел также хорошо выпить, располагал внушительным винным погребом и был доволен, когда гости отдавали должное его вину.

„В пуританские воскресенья, дни, когда пребывание в Лондоне приводит в содрогание всякого жизнерадостного человека, Энгельс устраивал открытые приемы. Всякий, кто приходил, был желанным гостем, и раньше 2—3 часов утра никто не уходил домой. Я несколько раз гостил у него до его смерти в 1895 году. Когда он умер, в возрасте 75 лет, у меня было ощущение, словно умерла частица моего я. И это ощущение разделяли со мною многие“ [1]).

II.

Фридрих Энгельс сам видел в себе в первую голову теоретическую силу, но он жаловался, что ему не удалось свершить на научном поприще всего задуманного им.

В письме к Бебелю, написанном им в ноябре 1879 г., Энгельс говорит:

„Вы и Либкнехт знаете: единственное, чего я требовал от партии,— это, чтобы она оставила меня в покое и дала закончить мои теоретические работы. Вы знаете, что вот уже 16 лет, как ко мне постоянно обращаются с просьбами писать в партийных газетах. Знаете, что я это делал и написал целый ряд статей и брошюр по заказу Либкнехта. Так, например: „Жилищный вопрос“ и „Анти-Дюринга“ [2]).

Итак, главная работа Энгельса „Анти-Дюринг“, в которой мы справедливо видим наиболее ценное научное наследие, оставленное нам основоположником марксизма, по признанию автора является не чем иным, как сборником „статей“, написанных для „партийных газет“!

Между тем, Энгельс жаждал отдаться теоретической работе целиком.

Еще 30 апреля 1883 года в письме к Бебелю он мотивировал свое нежелание уезжать из Англии, между прочим, и тем обстоятельством, что „со времени упразднения Интернационала здесь нет никакого рабочего движения, кроме

---

[1]) Из моей жизни (Мемуары) т. III, Петроград, 1919, 169.
[2]) А. Бебель. Из моей жизни, III, 78.

того, которое является хвостом у буржуазии и радикалов и направлено на маленькие цели в пределах капиталистических отношений. Таким образом, *только здесь имеется досуг для разработки теоретических вопросов.* Всюду в другом месте пришлось бы принимать участие в политической агитации и, следовательно, терять много времени. В практической агитации я сделаю не больше, чем всякий другой, *в теоретических работах я не вижу пока, кто бы мог заменить меня с Марксом.* Попытки, которые предпринимались молодежью, лишены значения и часто ровно совсем ничего не стоят. Каутский—единственный, который прилежно занимается, вынужден писать, чтобы снискивать себе пропитание, и уже потому не может ничего сделать... Да, если бы снова повторились 1848 и 1849 годы, тогда я, пожалуй бы, сел на коня. *Но теперь необходимо строгое разделение труда*" [1]).

Однако, Энгельс до конца жизни так и не нашел того „досуга для разработки теоретических вопросов", о котором он столько мечтал.

В 1887 году в предисловии к сборнику статей о „Жилищном вопросе" Энгельс писал:

„В силу разделения труда между Марксом и мною, на мою долю выпало представлять наши взгляды в периодической прессе, следовательно, главным образом, в борьбе с представителями противоположных взглядов, чтобы Маркс имел возможность посвятить все время своему великому труду. Мне приходилось вследствие этого выражать наши взгляды большей частью в полемической форме, противопоставляя их другим взглядам".

Так было при жизни Маркса. Но в этом положении дел мало что изменилось и после смерти великого мыслителя,— ибо Энгельсу одному приходилось давать ответ на текущие повседневные потребности все разраставшегося рабочего движения.

Энгельс успел только отчасти справиться с изданием литературного наследия Маркса, 2-го и 3-го томов „Капитала" и 4 го его тома ему не довелось приготовить к печати,— это было делом уже Каутского...

В цитированном уже нами письме к Бебелю от 30 апреля 1883 г. Энгельс пишет, что ему „предстоит проработать... еще год над биографией Маркса в связи с историей германского социалистического движения с 1843 по 1863 г. и Интернационала с 1864 по 1872 г.", но эта работа так и не увидела света...

---

[1]) Бебель, III, 243—4.

В помеченном 8 октября 1885 г. предисловии к новому изданию работы Карла Маркса „Кельнский процесс коммунистов“ Энгельс еще выражал надежду, что ему „удастся когда-нибудь обработать еще раз собранный Марксом и им богатый материал по истории славной юности международного рабочего движения“.

Но и эта надежда не осуществилась.

В своей переписке Энгельс непрестанно жалуется на то, что политическое руководство все разрастающимся рабочим движением отвлекает его от теоретической работы.

24 октября 1891 г. он пишет Зорге. „Ради всего на свете не посылай ты мне больше никакого американского ежемесячного журнала. Я жажду прочесть уже когда-нибудь книгу; хотя я могу регулярно просматривать только третью часть присылаемых мне газет, они все-таки *поглощают все* мое время—но движение приобрело теперь такие исполинские размеры, а au courant надо же все-таки быть!“ [1]).

Через несколько месяцев мы слышим от него ту же жалобу. 5 марта 1892 г. Энгельс пишет Зорге:

„Я страшно завален работами и всяческими мелочами. Тебе надо было бы видеть ту гору немецких, французских, итальянских, испанских, польских, русских, датских, американских, английских, иногда и румынских газет, которые мне присылаются и которые я должен, по крайней мере, бегло просматривать, чтобы оставаться au courant движения. На-ряду с этим, настоящие работы, поглощающие остаток моего времени. А переписка! Для одной недели я теперь достаточно уж собрал. И при этом еще третий том не готов! Это позор“ [2]).

Энгельс старался по мере возможности сберегать время для научной работы, но это, видно, плохо удавалось ему.

30 марта 1892 г. он пишет Зорге.

„За политическим положением в Европе можно в общем хорошо следить по правильно подобранным газетам, а чтобы оставить себе свободное время для работы, я должен, по возможности, держаться в стороне от всяких внутренних дел отдельных социалистических партий, иначе я совсем ничего не успею“ [3]).

---

[1]) Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др., перевод под редакцией П. Аксельрода, СПБ., 1908, 371.
[2]) Ор. с., 381.
[3]) Ор. с., 383.

III.

28 июня 1883 г. в предисловии к новому изданию „Манифеста коммунистической партии“ Ф. Энгельс признает, что „основная мысль манифеста, что экономическое производство и неизбежно вытекающее из него общественное строение каждой исторической эпохи образует основу политической и интеллектуальной истории этой эпохи,—эта основная мысль принадлежит всецело и исключительно Марксу“.

„Во всю мою жизнь я играл вторую скрипку, достиг, надеюсь, в этой игре некоторой виртуозности и был дьявольски рад, что играл таковую для такой превосходной первой скрипки, как Маркс. Теперь же, когда мне приходится самому играть первую скрипку в области теории, мне приходится быть очень осторожным, чтобы не осканадалиться“.

О своем участии в создании материалистического взгляда на историю Энгельс говорит: „до моей сорокалетней совместной работы с Марксом и в течение ее я внес и кое-что самостоятельное в обоснование и разработку теории. Но большая часть руководящих основных идей, в особенности в области экономически-исторической, и специально окончательная их отделка принадлежит Марксу. То, что внес я, за исключением разве пары специальных областей, Маркс мог сделать и без меня. Того, что делал Маркс, я сделать не мог бы. Маркс стоял выше, смотрел шире, обозревал больше и быстрее, чем все мы. Не будь его, наша теория не была бы тем, что она есть теперь. Вот почему она с полным правом носит его имя“.

Однако, В. Зомбарт справедливо напоминает о том, что „доля Энгельса в создании этой философии гораздо больше, чем он, по скромности своей, признает“ [1]).

Условия жизни Энгельса, разделение труда между ним и его великим сотрудником Марксом, а в последние годы его жизни необходимость отдавать все силы руководству политической борьбой пролетариата помешали Энгельсу развернуть в полной мере свое теоретическое дарование.

Это для Маркса Энгельс трудился весь день в конторе и на бирже—ему он приносил в жертву большую часть своего вечернего досуга,—он писал за Маркса корреспонденции в „New. York. Tribune“ или переводил их с немецкого, так как Маркс еще недостаточно хорошо владел английским языком, чтобы писать на нем.

---

[1]) Op. c., XXXIII.

Таким образом, Марксу принес величайшую жертву Энгельс, отказавшись от научного творчества в тех размерах, какие ему были доступны при его беспримерной работоспособности и большом даровании.

„Судьба Энгельса была, таким образом, тоже трагичная. Но Энгельс никогда не сетовал на нее; он был столь же чужд сентиментальности, как и его друг. Он всегда считал величайшим счастием своей жизни то, что стоял сорок лет рядом с Марксом, хотя в уплату за это счастье его затмевала более мощная фигура его друга", пишет Меринг [1]).

Но те его работы, которым сам Энгельс не придавал серьезного значения, как порожденным потребностями практической агитации,—до сих пор являются неисчерпаемым кладезем коммунистической теории.

Тов. Ленин справедливо находит, что Энгельс „принадлежит, подобно Марксу, к тем редким и редчайшим писателям, у которых в каждой фразе каждой крупной их работы есть замечательная глубина содержания" [2]).

Несомненно, Маркс превосходит Энгельса, как теоретик.

По словам новейшего биографа Маркса, „Энгельс всегда признавал превосходство Маркса и считал себя лишь второй скрипкой в их общем деле. Все же он никогда не был только истолкователем и помощником Маркса; он самостоятельный сотрудник Маркса, не одинаковой с ним силы, но—равный ему. О том, что Энгельс в начале их дружбы давал в одной существенной области мысли больше, чем получал, свидетельствует сам Маркс в письме к Энгельсу двадцать лет спустя: „Ты знаешь, писал он, что, во-первых, я до всего дохожу всегда поздно, а во-вторых, что я всегда иду по твоим следам". Энгельс, благодаря легкости своего вооружения, двигался гораздо легче; взгляд его был достаточно проницательный, чтобы сразу проникнуть в суть какого-нибудь вопроса или положения, но не настолько глубокий, чтобы обозреть сразу всякие „но и однако", которыми отягчено и самое неотвратимое решение. Этот недостаток, однако, составляет большое преимущество для людей действия, и Маркс не принимал никаких политических решений, не посоветовавшись с Энгельсом, который всегда умел попасть в точку.

„Из этого соотношения между ними следовало, что в теоретических вопросах, с которыми Маркс тоже обращался

---

[1]) Меринг. Карл Маркс, ПБ. 1920, 190.
[2]) Детская болезнь «левизны» в коммунизме, ПБ, 1920, 56.

к Энгельсу, советы Энгельса были менее полезны и существенны, чем в политике. Тут Маркс шел всегда впереди своего друга" [1]).

Подлинным призванием Энгельса была публицистика — но и здесь он пожертвовал очень многими возможностями, только чтобы дать Марксу возможность посвятить себя его труду.

По словам Меринга, „Энгельс был более приспособлен к публицистической работе, чем Маркс". „Он настоящая энциклопедия", писал про него Маркс одному общему другу. „Способен работать во всякий час дня и ночи, после еды или натошак, быстро пишет и сообразителен как чорт". „Повидимому, они собирались после прекращения „Нового Рейнского Обозрения" (осень 1850 г.) начать новое общее предприятие в Лондоне; вот что, по крайней мере, Маркс писал Энгельсу в декабре 1853 г.: „Если бы мы с тобою вовремя устроили в Лондоне английское корреспондентское бюро, тебя бы теперь не мучили конторские занятия в Манчестере, а меня бы не мучили долги". Но если Энгельс предпочел место приказчика в деле своего отца перспективам корреспондентского бюро в Лондоне, то это вызвано было тяжелым денежным положением Маркса и надеждой на лучшие времена, и у Энгельса отнюдь не было намерения отдаться надолго „проклятой коммерции". Еще весной 1854 года Энгельс подумывал о том, не вернуться ли ему в Лондон к писательской работе, но это колебание было последним. Около того же времени он принял решение прочно запречься в ненавистное ярмо не только для того, чтобы помочь другу, но и чтобы сохранить для партии ее лучшую умственную силу. Только во имя этого Энгельс и принес свою *жертву*, так же как Маркс ее принял. Для того, чтобы предложить, и для того, чтобы принять такую жертву, нужен был одинаково „высокий дух".

Сам Энгельс при всей своей скромности все же не отрицает, что он независимо от Маркса натолкнулся на основные принципы материалистического миропонимания.

В 1885 г. в предисловии к „Кельнскому процессу коммунистов" Энгельс так рисует свое духовное развитие:

„В Манчестере я лицом к лицу столкнулся с той истиной, что экономические факторы, которые до сих пор в историографии не играли никакой или лишь презренную роль, являются решающей исторической силой, по крайней мере, в современном мире; что они создают основу для возникно-

---

[1]) Франц Меринг. Карл Маркс, ПБ. 1920 187.

вения нынешних классовых противоречий; что эти классовые противоречия в странах, где они, благодаря крупной промышленности, развились вполне, значит, особенно в Англии, в свою очередь, являются основою образования политических партий, партийной борьбы и, вместе с тем, и всей политической истории. Маркс не только *пришел к тому же самому* взгляду, но обобщил его уже в „Немецко-французском ежегоднике" (Deutsch-französische Jahrbücher) 1844 года в том смысле, что вообще не государство обусловливает и регулирует буржуазное общество, но буржуазное общество—государство, что, следовательно, политика и ее история может быть объяснена, если исходить из экономических отношений и их развития, а не наоборот. Когда я посетил Маркса летом 1844 года в Париже, выяснилась наша полная солидарность во всех теоретических областях, и с того момента начинается наша совместная работа. Когда мы снова встретились весною 1845 года в Брюсселе, Маркс развил уже в главных чертах свою материалистическую теорию истории, и мы принялись теперь за разработку новооткрытого метода в деталях и самых различных направлениях.

„Это же открытие, производящее переворот в исторической науке,—которое, как видно из вышесказанного, является главным образом делом Маркса и по отношению к которому я могу приписать себе лишь весьма незначительную долю участия,—имело непосредственную важность для современного с ним рабочего движения".

Уже в первых произведениях Энгельса содержится зерно доктрины научного социализма, принявшей в его уме законченные формы лишь в позднейшие годы. Еще Маркс поражался правильностью прогноза будущего Энгельсом в его первых работах.

9 апреля 1863 года Маркс пишет Энгельсу о его книге „Положение рабочего класса в Англии": „Что касается главного содержания твоей книги, то она оправдана вплоть до деталей позднейшим развитием с 1844 года. Только маленькие немецкие филистеры, которые о мировой истории судят по себе и по интересным газетным сообщениям сегодняшнего дня, могут вообразить, что в подобном великом развитии 20 лет значит больше, чем один день, хотя затем и могут наступить дни, заключающие в себе эти 20 лет".

Энгельсу принадлежал и первоначальный набросок „Коммунистического Манифеста". 24-го ноября 1847г ода он писал Марксу по поводу „символа веры", который было поручено ему написать Союзом Коммунистов: „я думаю, мы сделаем лучше всего, если мы отбросим форму катехизиса и дадим

этой вещи заглавие—Коммунистический Манифест. Так как туда нужно внести немного исторического материала, то прежняя форма совершенно не подходит. Я привезу с собой набросок, составленный именно в повествовательном тоне, но очень скверно, крайне поспешно редактированный. Я начинаю с того, что такое коммунизм, затем идет пролетариат, история его возникновения, его отличие от рабочих прежних времен, развитие противоположности пролетариата и буржуазии, кризисы, следствия, на-ряду с этим всякие побочные вещи и, наконец, партийная политика коммунистов, насколько ее можно вынести перед публикой. Все это еще не окончательно обработано, но я полагаю, вплоть до совсем незначительных мелочей, составить это так, что по крайней мере там ничего не будет противоречащего нашим взглядам" [1]).

Энгельса с начала его сознательной жизни влекло к изучению реального мира, включая сюда и процесс его возникновения.

В своем письме Марксу из Бармена от 19 ноября 1844 г. Энгельс пишет об одном из представителей так называемого „истинного" социализма,—литературной школы, выводившей социализм не из исторического развития, а из отвлеченных принципов,—Гесса.

„Вся эта теоретическая болтовня мне с каждым днем все больше и больше надоедает, и всякое слово, которое приходится сказать о „человеке", всякая строка, которую приходится писать или читать против теологии и абстракции, а равно и против грубого материализма, раздражают меня. Совсем другое дело, когда, вместо всех других призраков—ведь и не реализовавшийся еще человек остается до своей реализации таким призраком—занимаешься действительными, живыми предметами, историческим развитием и его результатами. Это, по крайней мере, лучшее, что нам остается, пока мы вынуждены пользоваться еще пером и не можем воплощать наши идеи в действительности непосредственно *руками* или, если это необходимо, *кулаками*" [2]).

На литературную работу юный Энгельс смотрел лишь как на суррогат практической борьбы, видя в ней лишь средство к воплощению в жизнь идеалов коммунизма.

В 1849 г. пришлось Энгельсу пустить в ход и „кулаки", ибо он принял участие в баденско пфальцском восстании в качестве адъютанта добровольческого отряда, составленного бывшим русским лейтенантом Виллихом.

[1]) Briefwechsel, I, 84.
[2]) Briefwechsel, I, 8.

Энгельсу до конца его дней не довелось отдаться своему истинному призванию—той теоретической работе, о которой он мечтал всю свою жизнь.

Оставленное им потомству литературное наследие состоит большею частью из газетных статей,—полемических произведений, статей, написанных на злобу дня.

Полемическим произведением был и знаменитый „Анти-Дюринг" Энгельса, составившийся из статей, помещенных в 1877 г. в лейпцигском „Vorwärts". Но эти газетные статьи, написанные для нужд „текущего момента", имеют жизнь более долгую, чем многие и многие толстые томы, о которых их авторы мнили, что они написаны „с точки зрения вечности".

Написанные рукой несравненного мастера, посвященные вопросам текущей политики, статьи Энгельса поистине заслуживают названия „Ktema eis aei, ou agonisma es to parachrema polien" (достояние навеки, а не забава для толпы,—каким хотел видеть свою „Историю Пелопонесской войны" греческий историк Фукидид).

Статьи Энгельса на злобу текущего дня являются неисчерпаемым кладезем поучения для современников и для потомства,—ярким факелом материалистического понимания истории он освещал пути и методы борьбы пролетариата за его освобождение, противоборствуя всем попыткам свести его движение со стези революции.

Десятилетия отделяют нас от того времени, когда Энгельс анализировал ставившиеся перед ним ходом вещей политические проблемы,—но его указания, его подход к вопросу до сих пор служат коммунистам ариадниной нитью при решении вопросов тактики.

IV.

Фр. Энгельс подвергает беспощадной критике те мнимые решения социальной проблемы, которые выдвигались в 70-х годах прудонистами и бланкистами, представителями мелкобуржуазных течений,—он не щадил усилий, чтобы принципы марксизма—учения одновременно и реалистического и революционного—восторжествовали в рабочем движении.

Фр. Энгельс стоял у колыбели II Интернационала,—но он ни в малой мере не ответствен за то оппортунистическое извращение учений социализма, которое допустили его *эпигоны*: пророческим оком он еще в 80-х годах указывал на

зародыши мелкобуржуазных, реформистских течений в современном ему движении и на неизбежность раскола.

Еще в 1845 году, в своей юношеской работе „Положение рабочего класса в Англии", Фридрих Энгельс указывал, что лишь насильственной революцией может быть разрешена великая историческая тяжба между буржуазией и пролетариатом. „Если английская буржуазия не образумится, писал он [1]), — то наступит революция, с которой ни одна из до сих пор бывших революций сравниться не сможет. Доведенные до отчаяния пролетарии примутся за поджоги, как им проповедывал священник Стеффенс; народная месть прорвется с такой яростью, перед которой события 1793 года совершенно побледнеют. *Война бедных против богачей будет самой кровавой войной, которая когда-либо велась между людьми.* Не поможет даже переход части буржуазии на сторону пролетариата и даже исправление всей буржуазии. Ведь это изменение всего настроения буржуазии не могло бы пойти дальше бледной золотой середины: более решительные, которые примкнули бы к рабочим, образовали бы *новую жиронду* и, как таковая, в *периоде революции погибли бы.* Предрассудки целого класса не сбрасываются одним разом. Все это—выводы, которые можно делать с полной уверенностью, выводы из совершенно неоспоримых фактов исторического развития с одной стороны и человеческой природы—с другой".

Этому взгляду на роль насилия в пролетарской революции Энгельс остается верен до конца своих дней. Уже в самом начале своего жизненного пути Энгельс порвал с фетишем „демократии", в которой герои II Интернационала усматривают сущность марксизма. Энгельс заявил, что пролетарий под демократией понимает нечто совершенно отличное от того, что под этим разумеет буржуа.

В 1845 году Энгельс писал: „В действительности эти слова—демократия, единение народов—приобрели в настоящее время социальный смысл, поглотивший их политическое значение. Сама французская революция представляет собою нечто совершенно отличное от простой борьбы за ту или иную форму государства, хотя в Германии именно так думают о ней" [2]).

Для Энгельса подлинная пролетарская демократия неотделима от коммунизма. „*Демократия—это в настоящее время коммунизм.* Другого рода демократия может существовать лишь

---

[1]) Русский перевод, изд. Глаголева, ПБ., 359.

[2]) Das Fest der Nationen in London, Rheinische Jahrbücher II. Русский перевод: Маркс и Энгельс накануне их исторического выступления, выпуск I, ПБ., 1906, 26.

в головах теоретических мечтателей, которые ничуть не заботятся о действительных событиях, по мнению которых принципы не создаются людьми, а развиваются сами собой. Демократия сделалась пролетарским принципом, принципом масс“ [1]). Только пролетарская демократия указывает путь к братству народов и миру между нациями.

„Досужие измышления насчет европейской республики, вечного мира между существующими политическими организациями осмеяны не менее, чем фразы об объединении народов под крыльями всеобщей свободы торговли. Когда, таким образом, все химерические сентиментальности подобного рода совершенно исчезли из обращения, пролетарии всех наций, без лишнего шума по поводу пустяков, приступили уже к действительному об'единению под знаменем коммунистической демократии. Только пролетарии могут действительно совешить это дело.

„Буржуазия не в состоянии выйти из национальных рамок, потому что в каждой стране она имеет специальные интересы, а эти интересы для нее верховная инстанция. Несколько теоретиков со всеми своими прекрасными „принципами“ ничего не создают, потому что они предоставляют спокойное дальнейшее существование как этим противоречивым интересам, так и всему существующему. Пролетарии, напротив,— имеют во всех странах одни и те же интересы, одного и того же врага, одну и ту же борьбу“... [2]). Пролетарская демократия есть интернационализм, заключает Энгельс.

Всю свою жизнь Энгельс выступал как представитель международного пролетариата. В предисловии к немецкому изданию своей работы: „Der Sozialismus in Deutschland“ он писал:

„Мое интернациональное положение, как результат пятидесятилетней работы, не позволяет мне, в противоположность другим, выступать представителем той или иной национальной социалистической партии“.

От победы пролетариата Энгельс ожидал устранения национальных насилий, учиненных буржуазией.

„За спиной официальной Германии стоит социалистическая Германия, партия, которой принадлежит будущее, близкое будущее. Когда эта партия возьмет в свои руки власть, она не сможет ни пользоваться ею, ни удержать ее до тех пор, пока не будут устранены те несправедливости, которые ее предшественники нанесли другим нациям“.

---

[1]) Ib. 27.
[2]) Ib. 28.

Энгельс, до конца дней своих бичевавший все проявления оппортунизма в международном рабочем движении, до гроба сохранил верность лейт-мотиву „Коммунистического Манифеста", заканчивавшегося призывом к „насильственной революции".

При всем стремлении вырвать у марксизма его революционное жало, Зомбарт вынужден признать, что Энгельс остался верен до гроба революционной идее. „С 1845 года он не переставал мечтать о революциях, о настоящих революциях и не переставал предсказывать близость их". Правда, буржуа пытается объяснить это его горячим оптимистическим, по натуре неукротимым темпераментом.

Еще в принадлежащем перу Энгельса первоначальном проекте „Коммунистического Манифеста" он указывает, что насильственный путь осуществления коммунизма предопределяется сопротивлением буржуазии, которая без упорного сопротивления не откажется от своих привилегий.

Как известно, проект составлен в форме катехизиса,—вопросов и ответов.

16 вопрос гласит: „Будет ли возможно уничтожение частной собственности мирным путем?

„Ответ. Конечно, желательно, чтобы так случилось, и коммунисты никогда не вздумали бы выступить против этого. Коммунисты слишком хорошо знают, что все заговоры не только бесполезны, но и вредны. Они слишком хорошо знают, что революции не делаются по произволу и расчету, но что они всегда и везде были необходимым следствием обстоятельств, не зависящих от воли и руковсдства отдельных партий и целых классов. Но они также видят, что почти во всех цивилизованных странах насильственно задерживается развитие пролетариата, и, таким образом, противники коммунистов всеми силами подготовляют революцию. Благодаря этому, угнетенный пролетариат, в конце-концов, толкается на революцию, и в случае ее возникновения мы, коммунисты, сумеем защитить действием дело пролетариата так же, как теперь мы защищаем его словом". Всю вину за неизбежные при переходе к коммунизму насилия Энгельс возлагает на буржуазию.

В своем „Анти-Дюринге" он дал пламенный панегирик насильственного переворота.

...„Что насилие играет также в истории другую роль (кроме свершителя зла), именно революционную роль, что оно, по словам Маркса, является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым, что насилие является тем орудием, посредством которого общественное

движение пролагает себе дорогу и ломает окаменевшие, омертвевшие политические формы—обо всем этом ни слова у г-на Дюринга. Лишь со вздохами и стонами допускает он возможность того, что для ниспровержения эксплоататорского хозяйства понадобится, может быть, насилие,—к сожалению, изволите видеть, ибо всякое применение насилия деморализует, дескать, того, кто его применяет [1]). И это говорится несмотря на *тот высокий нравственный и идейный подъем*, который бывал *следствием всякой победоносной революции*. И это говорится в Германии, где насильственное столкновение, которое ведь может быть навязано народу, имело бы по меньшей мере то преимущество, что вытравило бы дух холопства, проникший в национальное сознание из унижения 30-тилетней войны. И это тусклое, дряблое, бессильное поповское мышление смеет предлагать себя самой революционной партии, какую только знает история".

Организованное насилие, по мнению Энгельса—черта, присущая всякой действительной революции,—террор неотделим от победоносного народного движения. Восстающий пролетариат не должен опасаться прибегать к этому оружию. Настоящей апологией террора звучит следующее рассуждение Энгельса, в 1873 г. в статьях против прудонистов „автономистов" или „антиавторитаристов".

„Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т.-е. средств чрезвычайно авторитарных. И *победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха* [2]), *который внушает реакционерам ее оружие*. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не в праве ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?" [3]).

Никто лучше Энгельса не опроверг пустой болтовни о демократии, в формах которой пролетариат будто бы может осуществить переход к социализму. В марте 1875 г. Энгельс писал Бебелю. „Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы насильственно подавить своих противников, то *гово-*

---

[1]) Эту мудрость г-на Дюринга повторяет в наши дни Каутский.
[2]) Латинское слово terror и значит страх.
[3]) В. И л ь и н. Государство и революция. Петроград. 1918, 58.

рить о свободном народном *государстве есть чистая бессмыслица:* пока *пролетариат* еще *нуждается в государстве,* он нуждается в нем *не в интересах свободы,* а в *интересах подавления* своих противников, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство, как таковое, перестает существовать" [1]).

В этой ясной и выразительной формуле содержится вся философия диктатуры пролетариата.

Каутский в самом начале эпохи германского империализма запросил Энгельса, как относятся английские рабочие к английской колониальной политике. На это Энгельс ответил письмом от 12 сентября 1882 года,—где он разбирает вопрос, как отразится пролетарская революция в колониях и отсталых странах.

„Индия, быть может, сделает революцию, это даже очень вероятно. И так как освобождающий себя пролетариат не может вести колониальных войн, придется предоставить это ходу событий, причем, разумеется, *не обойдется без различного рода разрушений. Но этого нельзя отделить ни от какой революции*" [2]).

Высказанным выше мыслям Энгельс оставался верен до конца жизни,—в помещенном 18 марта 1891 г. предисловии к сочинению Маркса „Гражданская война во Франции" он говорит, что и в „лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности".

Злейшего врага рабочего движения Энгельс не переставал видеть в оппортунизме, этом „забвении великих коренных соображений из-за минутных интересов дня, этой погоне за минутными успехами и борьбе из-за них без учета дальнейших последствий, этом принесении будущего движения в жертву настоящему" [3]).

Оппортунисты тщатся выставить Энгельса сторонником парламентской, легальной тактики, опираясь на некоторые смягченные в угоду кайзерской цензуре места в известном

---

[1]) Бебель. Из моей жизни, т. II, часть 2, Петроград, 1919, 123.

[2]) Цитировано у Зиновьева. Война и кризис социализма. 108, прим. 1.

[3]) Посланная Энгельсом Каутскому критика проекта Эрфуртской программы. цит. В. Ильина. Государство и революция. Петроград, 1918, 66.

написанном Энгельсом предисловии к марксовой „Klassenkampf in Frankreich".

Однако, Энгельс ценил всеобщее избирательное право только как показатель сознания масс. Он писал в одной из последних своих работ, относящихся к 90-м годам XIX века. „*Главная сила германской социал-демократии заключается отнюдь не в числе ее избирателей.* У нас получают избирательное право только к 25-ти годам, солдатами же становятся уже в 20 лет. А так как наша партия вербует своих многочисленных рекрутов именно среди молодежи, то понятно, что *германская армия все более и более заражается духом социализма.* Теперь из пяти солдат—один наш, скоро будет один из трех, *а около 1900 года армия,* представлявшая из себя раньше самый реакционный элемент страны, *будет в большинстве* своем *социалистической. Таков роковой исход,* к которому мы неуклонно приближаемся. Берлинское правительство видит это так же хорошо, как и мы, но оно бессильно. *Армия отворачивается* от него" (Sozialismus in Deutschland).

И в эпоху наибольших избирательных успехов германской социал-демократии Энгельс оставался тем же революционером до мозга костей, которым он был и в молодые годы, — рокового исхода для царства капитала он ожидал от завоевания социалистами *армии*...

Вот почему он не допускал возможности сколько-нибудь прочной победы реакции.

„Насилием можно подавить небольшую секту, действующую в каких-либо ограниченных пределах; но еще не найдена та сила, которая была бы в состоянии уничтожить партию, раскинувшуюся по целому государству и состоящую из двух слишком или трех миллионов человек. Кратковременное торжество контр-революции может замедлить наступление торжества социализма на несколько лет, но результатом этого замедления будет большая его полнота и законченность" (Ibid).

Энгельс, признавая необходимым использование демократического парламентаризма борющимся за государственную власть пролетариатом, видел, однако, во всеобщем избирательном праве лишь „показатель зрелости рабочего класса. Дать больше оно не может и никогда не даст в теперешнем государстве", писал он в „Происхождении собственности, семьи и государства".

В своей переписке Энгельс высказывался еще яснее относительно того, как возмужавший в борьбе пролетариат должен был проявить свою зрелость. 12 апреля 1890 г.,

после выборов в германский рейхстаг, Энгельс писал Зорге: „Выборы нам показали, что наши успехи в деревне огромны, особенно там, где существует крупное землевладение и, рядом с ним, только еще крупновладельческое крестьянство, стало быть, на Востоке. В Мекленбурге три перебаллотировки, в Померании две. Всю разницу в 85.000 голосов между первым официальным подсчетом (1.342.000) и вторым (1.427.000) дали сельские округа, в которых раньше мы ни одного абсолютно голоса не имели. Мы, значит, имеем теперь виды завоевать в скором времени сельский пролетариат восточных провинций, а с ними солдат главного „ядра“ *армии. А тогда весь старый порядок погиб, и мы господствуем.* Прусские же генералы были бы большими ослами, чем я могу о них думать, если бы они этого не понимали так же хорошо, как и мы, и они должны, поэтому, гореть нетерпением обезвредить нас на некоторое время торжественным расстрелом“ [1]).

Итак, успехи социалистов на выборах имели в глазах Энгельса значение не потому, что приближали момент легального завоевания власти социалистическим большинством парламента, как представляли дело реформисты, а потому что служили барометром распространения революционных идей в рабочей массе, из которой рекрутировалась и армия, а без овладения ею Энгельс не мыслил себе социалистического переворота. В этом заключается центральный пункт его концепции, которая, как видно, как небо от земли далека от реформистского представления о мирном врастании в социализм.

Вот почему Энгельс так настойчиво предостерегает германских рабочих в последние годы своей жизни от преждевременного наступления, — он не хотел дать возможность генералам перестрелять рабочих, будучи уверен, что социализм неизбежно должен овладеть армией.

V.

Как известно, Энгельс всю жизнь усиленно занимался военными науками,—недаром близкие звали его поэтому в шутку „генералом“,—его участие в баденском восстании в 1849 г. оставило в нем на всю жизнь глубокий интерес к проблемам стратегии, и его глубокие познания в этой области встречали справедливую оценку со стороны специалистов.

---

[1]) Письма к Зорге. 332.

В связи с занятиями Энгельсом военными проблемами стоит, может быть, и обнаруживающее поразительную глубину его социального предвидения предсказание неминуемости всемирной войны, с поразительной верностью оправдавшееся в катастрофе 1914—1918 годов.

Обострение противоречий капитализма и непрекращавшийся рост вооружений делали неминуемым в глазах Энгельса разрешение конфликта вооруженной силой.

Все вновь и вновь возвращался Энгельс к представлявшемуся ему неизбежным мировому столкновению необычайных размеров.

Еще 16 декабря 1879 года Энгельс писал Августу Бебелю по поводу террористической борьбы революционеров в России против царизма.

„Либо абсолютизм рухнет, и тогда вслед за падением великой резервной армии реакции в Европе повеет иным ветром, или же наступит *европейская война*, и она *похоронит* также и *нынешнюю германскую партию* в неизбежной борьбе, которую каждый народ будет вести за свое национальное существование. Такая война была бы величайшим несчастием для нас. Она могла бы отбросить движение на 20 лет назад. Но *новая партия*, которая в конце-концов вышла бы из этих событий, была бы во всех европейских странах свободна от многих мелочных сомнений, которые теперь всюду *тормозят* движение“ [1]).

Энгельс предвидел крах германской социал-демократии в мировой войне,—но вместе с тем и нарождение на ее место новой, подлинно революционной партии.

Все вновь и вновь Энгельс возвращался к мысли о европейской войне. 22 декабря 1882 г. он писал А. Бебелю: „Европейскую войну я считал бы несчастьем. На сей раз она примет чрезвычайно серьезный характер, *возбудит всюду шовинизм* на многие годы, так как каждый народ будет бороться за свое существование. Вся *работа*, сделанная *революционерами* в России, которые уже накануне победы, окажется бесплодной и совершенно пропадет. *Наша партия* в Германии будет немедленно *затоплена потоком шовинизма и расколота. То же самое произойдет во Франции.* Единственное хорошее, что может получиться,—это создание маленькой Польши, но то же самое получилось бы и при революции, да еще к тому без всякого внешнего давления. Русская конституция вследствие неудачной войны приобре-

---

[1]) Август Бебель. Из моей жизни (мемуары). Т. III. Петроград, 1919, 91.

тет совсем иное, скорее консервативное значение, нежели конституция, добытая революционным путем. Такая война, по-моему, отсрочит *революцию* на 10 лет. Правда, потом она *будет* зато *сделана* еще более *основательно*“ [1]).

Здесь Энгельс предвидит победу шовинизма над интернационализмом по обе стороны боевого фронта,—как во Франции, так и в Германии.

Еще 16 сентября 1887 года в письме к Зорге Энгельс касается вопроса об европейской войне,—тогда он еще полагал, что „едва ли дело дойдет до войны. Неизвестность того, к чему война может привести, так велика; то, что кабинеты готовы друг друга предать, так прочно установлено; уверенность, что война будет более жестокой и кровавой, потребует больше средств и подействует более истязающе, чем какая-либо война в прошлом (от 10—12 миллионов солдат могут быть выставлены друг против друга), так глубока, что они все друг другу угрожают, но ни у кого из них не хватит храбрости начать. Но при такой игре война может возгореться и без их желания, и вот где опасность“ [2]).

Через полтора года, 7 января 1888 г., обращаясь к тому же Зорге, Энгельс вновь надеется, что военная туча пронесется мимо. Отнюдь не в интересах международного пролетариата, говорит он, начало всемирной войны.

„И без того все так хорошо складывается по нашему желанию, что мы отлично можем обойтись без расстройства, вызванного всеобщей войной, и притом такой колоссальной, какой никогда раньше не бывало, хотя и *это послужило бы в конце-концов в нашу пользу*“ [3]).

Затем Энгельс рисует картину гигантской катастрофы и ее опустошительных последствий как для бытия, так и для сознания людей.

„Война же отбросила бы нас назад на годы. Шовинизм все потопил бы, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около пяти миллионов солдат или десять процентов населения, другие около четырех или пяти процентов, Россия относительно меньше. Но в действие были бы пущены от десяти до пятнадцати миллионов солдат. Хотел бы я видеть, как их прокормят; опустошение было бы такое же великое, как в Тридцатилетнюю

---

[1]) Ор. с., 236.

[2]) Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге. Пер. под ред. Аксельрода, СПБ., 1908, 280.

[3]) Ор. с., 286.

войну. И дело не кончилось бы быстро, несмотря на колоссальные военные силы. Стало быть, война затянулась бы долго. И если все пойдет по желанию Бисмарка, то на нацию будет возложено столько тягостей, каких она раньше никогда не терпела, и вполне возможно, что замедление решающих битв и частичные поражения вызовут внутренний переворот.

„А в таком случае, если война кончится без внутренних потрясений, то *наступит также истощение*, какого Европа уже двести лет не переживала. *Американская промышленность победит* тогда по всей линии и всех нас поставит пред *альтернативой*: либо возврат к чистому земледелию для собственного потребления (какого-нибудь другого не допустит американский хлеб), либо—социальное преобразование. Поэтому я думаю, что дело не доведут до крайности, что на самом деле они вовсе не намерены вести настоящей войны. Но *пусть только раздастся первый выстрел*, и они сейчас же потеряют контроль над собой, и все завертится“ [1]).

Своим гениальным оком Энгельс предвидел и колоссальные размеры грядущей войны, какой еще не видел мир, и длительность катастрофы, и волну шовинизма, грозящую смыть все завоевания пролетарской борьбы, и вызванную бойней разруху, и как результат европейской войны гегемонию американского капитализма.

Наконец, в предисловии к Марксову „Klassenkampf in Frankreich“, помеченной 6 марта 1895, этой лебединой песне Энгельса, он указывает на военно-технические факты, ведущие к небывалому еще по размерам в истории столкновению между народами.

„После франко-прусской войны 1871 г., говорит Энгельс, произошел полный переворот во всей военной системе, обусловленный включением всего способного к военной службе населения в миллионные армии, а также введением огнестрельного оружия, артиллерийских снарядов и взрывчатых веществ неслыханной до того времени силы. Переворот этот с одной стороны положил решительный конец бонапартистскому военному периоду и обеспечил мирное промышленное развитие, сделав невозможной какую-либо иную „войну, кроме *мировой войны, неслыханной по своей жестокости и с абсолютно неподдающимся учету исходом*“.

В написанной в 1890 г. статье „Der Sozialismus in Deutschland“ Энгельс имел в виду перспективу войны между Гер-

---

[1]) Op. c., 287.

манией с одной стороны и Францией и Россией с другой, ясно дал понять, каковой должна быть тактика пролетариата в годину войны.

„Война, во время которой русские и французы вторгаются в Германию, такая борьба станет для последней борьбой не на живот, а на смерть; в этой борьбе она может обеспечить свое национальное существование только посредством применения самых революционных мер. Нынешнее правительство, если оно не будет к этому принуждено, без сомнения, не станет вызывать революцию. Но у нас есть сильная партия, которая может его к этому принудить или в случае нужды может стать на его место. Это—социал-демократическая партия. И мы не забыли того великого примера, который показала нам Франция в 1793 году. 100-летний юбилей 1793 года совсем уже близок"... Надо показать, что „нынешние немецкие пролетарии не уступают санкюлотам, жившим 100 лет назад, и что 1893 год может померяться с 1793 годом".

В случае такой войны, рабочий класс Германии должен прибегнуть „к самым революционным мерам", он должен власть взять в свои руки и повести революционную войну против реакционных сил Европы, подобно тому, как французская революция в 1793 году объявила войну абсолютным монархам во всей Европе. Германский рабочий класс должен это сделать во имя социализма, во имя пролетарских задач, ибо— „по отношению к Германской империи Французская республика может при известных условиях представлять буржуазную революцию. Но по отношению к республике Констана, Рувье или даже Клемансо, а в особенности по отношению к республике, находящейся в услужении у... русской реакции,— немецкий социализм безусловно представляет пролетарскую революцию" [1]).

Как видим, Энгельс начертал линию поведения, обратную той, которую избрала во время мировой войны германская социал-демократия. Необходимо отметить еще, что в то время Энгельс не решался еще апеллировать прямо к революционным силам внутри самой России,—ибо массовое движение в ней только зарождалось.

Предвидение Энгельса граничит с ясновидением. Говоря о мировой войне, он пишет.

„К тому же эта война, с самого своего начала, будет отмечена рядом таких взаимных предательств союзников, каких до сих пор не могла проявить даже сама архипреда-

---

[1]) Ср. *Г. Зиновьев.* Война и кризис социализма. ПБ., 1920, 96.

тельница-дипломатия; и жертвой этих предательств главным образом будут опять-таки Франция или Германия, или та и другая".

Как известно, в войне 1914—1918 г. Италия и Румыния разорвали формальные договорные узы, связывавшие их с центральными державами, и примкнули к противной стороне.

В „Sozialismus in Deutschland" Энгельс блестяще сформулировал тактику пролетарского авангарда на случай мировой войны—как курс, направленный на социалистическую революцию.

„Словом,—мир обеспечит победу германской социал-демократической партии приблизительно через десять лет. Война принесет ей или победу через два-три года, или полный упадок, по меньшей мере, на двадцать-тридцать лет. Поэтому германские социалисты были бы безумцами, еслиб желали войны, которой они бы все поставили на карту, вместо того, чтобы дождаться триумфа в мирное время. Более того, ни один социалист, к какой бы он национальности ни принадлежал, не может желать военного триумфа как современному германскому правительству так и французской буржуазной республике, менее же всего царизму, триумф которого означал бы порабощение всей Европы. Поэтому социалисты всех стран—*сторонники мира*. Но если война все-таки разразится, то с уверенностью можно сказать одно: эта война, в которой примут участие от пятнадцати до двадцати миллионов вооруженных людей и после которой вся Европа будет опустошена как никогда, эта война должна или привести к немедленной победе социализма, или же до того *изменить все* условия и оставить за собой такую груду развалин, что *капиталистическое общество станет совершенно немыслимым*. во всяком случае более, чем когда бы то ни было, и *социалистическая революция*, правда, отдаленная на десять или пятнадцать лет, *все же победит*, проникая тем глубже и протекая тем быстрее".

Энгельс оказался пророком: мировая война 1914—1918 г.г. стала колыбелью мировой революции,—восстановление капиталистического общества из оставленных войною развалин стало немыслимым!

В письме к Зорге от 24 октября 1891 г. Энгельс возвращается к перспективе войны Германии против „русских и их союзников, кто бы они ни были" и замечает: „в самом же благоприятном случае борьба будет такая сильная, что Германия сможет удержаться *только революционными сред-*

ствами, и очень возможно, что *мы* вынуждены будем *стать у власти и разыгрывать 1793 год*“ [1]).

Эта концепция не похожа на поведение социал-патриотов, во всех странах отказавшихся во время войны от борьбы за власть и заключивших гражданский мир с буржуазией.

VI.

Во всем мире единое прежде формально и организационно социалистическое движение раскололось на два стана, по разные стороны революционной баррикады стоят II и III Интернационал — „социал-демократы“, обагрившие руки в крови бессмертных вождей рабочего класса Карла Либкнехта и Розы Люксембург, и коммунисты. Война и ускоренный ею взрыв революции выявили наружу непримиримые противоречия, уживавшиеся раньше в недрах одной организации.

Но наличие их не была тайной для наиболее светлых голов международного социализма за многие десятилетия до переживаемой нами критической эпохи.

Фридрих Энгельс, после смерти Маркса ставший признанным идейным главою международного рабочего движения, еще в 1887 г., в предисловии к „Жилищному вопросу“, дал классовую характеристику мещанского реформизма, свившего себе прочное гнездо в недрах германской социал-демократии.

„Буржуазный и мелко-буржуазный социализм, писал он, имеет в Германии еще и до настоящего времени немало представителей. Сюда относятся прежде всего катедер-социалисты и всякие филантропы, у которых все еще играет важную роль желание превратить рабочих в собственников их жилищ; направленное против этих лиц мое сочинение еще вполне уместно. Но, кроме того, в *самой социал-демократической партии* — до парламентской фракции включительно — *находит себе приверженцев некоторый мелко-буржуазный социализм*. Правда, признаются основные положения современного социализма, как и требование его о превращении орудий производства в общественную собственность. *Но осуществление этих положений откладывается на отдаленное, практически непредвидимое будущее*. При таком взгляде приходится в настоящем ограничиться *социальными паллиативами* и, смотря по обстоятельствам, проявлять свои симпатии даже к самым реакционным стремлениям из области так называемого „подъема рабочего класса“. *Суще-*

---

[1]) Письма к Зорге, 373.

ствование такого направления в Германии, стране мещанства par excellence, *совершенно неизбежно*, особенно в такое время, когда промышленное развитие могучим потоком подрывает всю глубоко вкоренившуюся мелко-буржуазную систему".

Прямыми наследниками „мелко-буржуазных социалистов" 80-х годов, о которых говорит в приведенных выше строках Энгельс, являются современные соглашатели, которые также считают социализм музыкой будущего—и притом, очень далекого.

Ту же тему Энгельс затронул в письме к Зорге 3 июня 1885 г. Он говорит, что „германские социал-демократические „парламентские звезды"... в дебатах по поводу субсидии на пароходные линии обнаружили колоссальные мелко-буржуазные инстинкты...

„Чуть не произошел раскол, что теперь, пока действие социалистического закона продолжается, было бы нежелательно. Но как только мы в Германии опять будем иметь немного elbow-room [1]), раскол наверное произойдет, и тогда он будет *полезен*. В такой стране, как Германия, мелкобуржуазно-социалистическая фракция неизбежна,—в стране, в которой мещанство еще более, чем историческое право, „даты не имеет". Она и пользу принесет, если только она конституируется отдельно от пролетарской партии, но *теперь* это отделение принесло бы только вред, если оно будет нами провоцировано. Если же они сами фактически откажутся от программы,—тогда тем лучше, и мы сможем начать борьбу".

„Мелкобуржуазно-социалистическая фракция", наличность которой в Германии констатировал Энгельс, заполонила весь второй Интернационал и превратила его в орудие империалистической буржуазии.

„Раскол" между мелкобуржуазно-оппортунистическим и революционно-пролетарским крыльями социалистического движения, о „полезности" которого писал Энгельс, стал совершившимся фактом в мировом масштабе,— во взаимной борьбе противоборствующие силы от „оружия критики" перешли к „критике оружием".

Ясновидящее око великого учителя предвосхитило то, что совершается на наших глазах.

VII.

С ранних лет Энгельс питал живой интерес к судьбам России и сохранил его до последних лет своей жизни.

---

[1]) Простор, свобода действий.

18 марта 1852 года Энгельс пишет Марксу: „Я уже в течение 14 дней основательно изучаю русский язык и в значительной степени ознакомился с грамматикой, а еще 2—3 месяца—и я буду обладать необходимым запасом слов,—тогда я могу заняться чем-нибудь другим. Со славянскими языками я должен покончить в этом году,—по существу они вовсе не так тяжелы. Помимо лингвистического интереса, какой представляет для меня дело, имеются также свои соображения, чтобы по крайней мере один из нас при ближайшем государственном перевороте был знаком с языками, историей, литературой и подробностями учреждений как раз тех наций, с которыми придется притти к конфликту". Briefwechsel, Band I, 305—306).

В 1875 г. в „Volksstaat" Энгельс посвятил „Социальному развитию России" большую статью, полную глубоких и поучительных замечаний.

В помеченном 3 января 1894 г. предисловии к сборнику статей из „Volksstaat" Энгельс делает оказавшееся пророческим замечание, „что приближающееся крушение капиталистического строя на Западе дает и России возможность значительно сократить переход через капиталистическую стадию, делающийся теперь неизбежным".

Совершенная российским пролетариатом в обстановке крушения капитализма в Европе рабочая революция позволила России сильно сократить буржуазный период ее существования.

Стала действительностью предусмотренная Марксом и Энгельсом в предисловии к сделанному Верой Засулич переводу „Коммунистического Манифеста",—возможность, что „русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе будут дополнять друг друга".

В написанном в 1894 г. послесловии к упомянутой нами уже статье о „Социальном развитии России" Энгельс называет „иллюзией" представление русских народовольцев, „считавших свой народ избранным народом социальной революции", ибо „время избранных народов миновало безвозвратно".

Однако, „героические русские борцы", которые „своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что он уже принужден был подумывать о возможности и об условиях капитуляции", оказались все же до некоторой степени правы,—ибо русскому пролетариату выпала задача указать народам всего мира путь к социализму.

VIII.

До конца дней своих Энгельс оставался революционным коммунистом.

В одном из предисловий к „Манифесту Коммунистической Партии", помеченном 1 мая 1890 г., Энгельс объяснял, почему он и Маркс не могли в момент его появления назвать его социалистическим манифестом.

В то время—„социалисты", как в наши дни „социал-демократы", были люди, стоявшие вне рабочего движения и искавшие скорее поддержки у „образованных классов",—они „стремились... всякого рода заплатами устранить общественные бедствия, не причиняя ни малейшего вреда капиталу и прибыли... Зато „та часть рабочих, которая, убедившись в недостаточности чисто политических переворотов, *требовала основного переустройства общества*, называла себя *коммунистической*".

Если ныне социал-демократия выродилась в агентуру буржуазии,—в последнюю опору гибнущего под натиском революции капиталистического класса,—то и *„социализм означал в 1847 году буржуазное движение, коммунизм—рабочее движение"*. Социализм был, по крайней мере на континенте, вхож в салоны, коммунизм—как раз наоборот. „А так как мы в то время уже решительно держались мнения, что освобождение рабочих должно быть делом самого рабочего класса, то мы и не могли ни минуты сомневаться, какое из двух названий выбрать. *И впоследствии нам никогда не приходило в голову отказываться от него*".

И позже, в помеченном 3 января 1894 г. предисловии к новому изданию своих статей из „Volksstaat" за 1871—1875 г.г., Энгельс объясняет, почему „во всех этих статьях... он везде называет себя не социал-демократом, а коммунистом...

„Это объясняется тем, что в те времена в различных странах социал-демократами называли себя такие люди, которые вовсе не выставляли на своем знамени перехода всех средств производства в руки общества. В виду этого, для обозначения нашей специальной точки зрения, мы с Марксом положительно не могли выбрать такое растяжимое выражение. Теперь положение дел изменилось, и это слово может быть принято, как ни *мало* оно *подходит для партии*, экономическая *программа* которой не только вообще социалистическая, но и *прямо коммунистическая*, и политическая и *конечная цель* которой заключается в *устранении всякого государства*, а следовательно и *демократического*. Но названия действительных партий никогда не соответствуют вполне тому, что

они обозначают; партии развиваются, названия остаются прежними".

Энгельс вместе с Марксом никогда не отказывался от славного знамени коммунизма, — даже когда он находил условно-приемлемым и название социал-демократии, он ни на минуту не упускал из виду, что оно не соответствует программе и конечной цели партии пролетариата, партии переворота!

За несколько дней до смерти Энгельс в последнем опубликованном им выступлении в печати,—в обращении к выходившему в Палермо социалистическому еженедельнику „La Riscossa", — писал: „Повсюду порабощенные смыкают свои ряды и протягивают друг другу руки через границы своих стран. Международная пролетарская армия строится в боевом порядке,— и начало нового столетия приведет ее к победе".

Движение пролетариата к социализму не совершилось так гладко, как это предполагал Энгельс,—изменившие рабочему классу вожди внесли страшное расстройство в ряды рабочей армии, перейдя в решительную минуту на сторону классового врага пролетариата—буржуазии, – но, несмотря ни на что, уже второе десятилетие XX века ознаменовано крупнейшей победой рабочего дела в России—и под знаменами Коммунистического Интернационала революционный пролетариат сплоченными рядами идет со всех концов мира к победе!

Цена 25 руб.

Указанная на книге цена никем не может быть повышена.

82

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ПЕТЕРБУРГ * 1920 г.